

Глава 20. Чума

Наутро весь Павильон Яньюнь только и гудел: новость о грядущей женитьбе старшего брата разлетелась мгновенно.

Юй Шаолин всегда ладил с людьми и никогда не важничал перед младшими учениками, так что те мигом окружили его плотным кольцом, наперебой отпуская беззлобные шуточки.

Заводилой, как обычно, выступил Сун Тяньдай. Смеясь и толкаясь, младшие принялись шумно требовать показать им будущую невестку, за что Шаолин, шутливо хмурясь, одарил самых ретивых увесистыми щелбанами.

— Дело ещё даже не решено, так что поприкусите языки, — осадил их он. — Негоже порочить имя порядочной девушки.

Но его слова лишь подлили масла в огонь — улюлюканье и хохот грянули с новой силой. Какой-то храбрец, нацепив самую наглую улыбку, подмигнул:

— Старший брат, ты так рьяно защищаешь эту фею! Неужто и впрямь сердце потерял?

— Какое ещё сердце, оболтус! Я погляжу, тебе заняться нечем? Хочешь узнать, насколько тяжела моя рука?

— Смилуйся, старший брат, пощади!.. — дурашливо взмолился тот.

Посреди этой кутерьмы он вдруг заметил приближающегося Юй Шаои.

Стоило его силуэту показаться вдали, как младшие ученики, только что скакавшие как стайка диких обезьян, мигом притихли, точно напуганные перепёлки, и выстроились по струнке, не смея пикнуть. А когда Шаои подошёл ближе, толпа и вовсе испарилась в одно мгновение, оставив двух братьев наедине.

От такой разительной перемены он не знал, то ли смеяться, то ли плакать.

— Да ты для них пострашнее любого умиряющего заклęcia будешь.

— О чём ты, братец?

Только он собрался объяснить, как заметил юного послушника, который обычно прислуживал

его отцу. Мальчишка бежал со всех ног, и по его бледному лицу сразу стало ясно: стряслась беда.

Подбежав, запыхавшийся ученик даже не успел перевести дух:

— Старший брат!..

— Что случилось? — нахмурился он.

— Сам толком не знаю. Утром внезапно прибыли важные гости. Учитель велел немедленно позвать тебя в кабинет.

Понимая, что дело не терпит отлагательств, он наскоро распрощался с братом и поспешил к отцу. Из-за спешки он не заметил провожавшего его задумчивого, пристального взгляда Шаои.

Порог кабинета он переступил в тревоге и сразу понял, что отец там не один.

В комнате собрались все видные старейшины Южного союза, включая глав Секты Сияющих Небес и Школы Шпилек и Цветов. Чэн Ли, возглавлявший Секту Сияющих Небес, славился своим добродушным видом — круглолицый, пухлый, с вечно прищуренными весёлыми глазами. Однако стоило ему заговорить, как от бывшего дружелюбия не осталось и следа: так и сквозило ядом.

— Глава павильона Юй, ваш Павильон Яньюнь испокон веков считался оплотом нашего Южного союза, старшим братом среди равных. Так скажите нам прямо, без увёрток: что мы теперь будем делать?

Его тон граничил с открытой дерзостью.

Шаолин ещё не знал, в чём суть спора, но позволить какому-то выскочке помыкать отцом не собирался. Он шагнул вперёд и с лёгкой усмешкой бросил:

— Раз уж мы заговорили о старшинстве, глава Чэн, подобает ли младшим братьям вести себя столь непочтительно?

Наглый выпад заставил Чэн Ли поперхнуться от возмущения. Юй Миньчжи, однако, сурово зыркнул на сына и осадил его:

— А-Цюэ, не дерзи старшим.

Шаолин лишь недовольно хмыкнул, но перечить отцу не стал. Юй Миньчжи кашлянул,

привлекая внимание гостей, и представил сына:

— Полагаю, вы все его знаете. Это мой непутёвый сын, А-Цюэ. Молод ещё, горяч да неводержан на язык. Прошу почтенных глав не держать на него обиды за эту глупую выходку.

— Ну что вы, пустяки... — поспешил разрядить обстановку глава Школы Шпилек и Цветов. Однако тут же, посуровев, вернулся к главному: — И всё же глава Чэн прав. Беда не ждёт. Глава павильона Юй, нам действительно нужно ваше решение.

— Позвольте мне обдумать всё ещё раз... — вздохнул Юй Миньчжи и погрузился в глубокое молчание.

Шаолин, примостившись с краю, поначалу мало что понимал из их разговоров, но, вслушиваясь в отрывочные перешёптывания старейшин, постепенно восстановил картину происходящего.

Как оказалось, за последние пять дней на юге, сразу в четырёх округах, разыгралось нечто зловещее.

Сперва моровая язва вспыхнула в округе Цанъу. Следом за ним, не прошло и недели, те же признаки смертоносной болезни проявились в округах Линлин и Чалин, а также в окрестностях горы Цинянь.

Все эти земли лежали на огромном расстоянии друг от друга. Даже между ближайшими точками — Чалинем и Линлинем — было несколько сотен ли. Никаких общих торговых путей или связей у них не имелось. Как же вышло, что за считанные дни мор поразил столь отдалённые края?

Главы кланов почуяли неладное. Ближайшие к очагам заражения ордены тут же отправили своих людей разузнать, в чём дело. Но все посланники исчезли без следа, словно камни, брошенные в бездонную пучину.

Будь это обычная болезнь, она никогда не совладала бы с теми, кто идёт по пути самосовершенствования. А раз гибли и бесследно пропадали заклинатели, вывод напрашивался сам собой: за этим мором стоят демоны.

После сокрушительного поражения, нанесённого им несколько десятилетий назад, исчадия тьмы затаились в своих владениях и носа наружу не показывали. Но последние события говорили о том, что древнее зло вновь зашевелилось. Неужели мирным дням приходит конец?

Охваченные паникой, главы южных школ примчались к Юй Миньчжи в надежде найти защиту. Округа, охваченные мором, лежали далеко от Павильона Яньюнь, так что глава павильона сам лишь сегодня услышал об этой беде.

Если дело и впрямь принимало такой оборот, долг велел заклинателям вмешаться, чтобы спасти невинных людей. Но вот как подступиться к этой задаче — Юй Миньчжи ума не мог приложить.

Пострадавшие земли разделяли бескрайние просторы. Даже если мчаться во весь опор, не зная сна и отдыха, на то, чтобы объехать все четыре очага, уйдёт больше двух недель. За это время зараза погубит тысячи жизней. Поразмыслив, он обратился к собравшимся:

— Коль скоро тень демонов нависла над Поднебесной, Павильон Яньюнь не останется в стороне. Однако моих скромных сил не хватит, чтобы поспеть повсюду. Нам надобно разделиться. Пусть каждый орден возьмёт на себя одну из земель, а мы наладим верную связь, дабы делиться вестями.

— Вы хотите сказать, глава павильона, что сами отправитесь лишь в одно место? — недоверчиво прищурился один из старейшин.

— Увы. Путь неблизкий, а разорваться я не могу.

Присутствующие многозначительно переглянулись, без слов придя к какому-то общему согласию. Глава Школы Шпилек и Цветов взял слово первым:

— Но ведь вы, многоуважаемый глава Юй — гордость и опора всего Южного союза. Кому, как не вам, возглавить этот поход? Из всех нас лишь вы сходились в бою с истинными дьяволами и заставили их содрогнуться от страха. Опыт ваш бесценен. Посему мы смиренно просим вас уделить этому делу больше внимания и сил.

«Сладко поёт, — мысленно усмехнулся Шаолин. — А суть-то одна: хотят побольше наших людей под удар подставить».

Впрочем, заявление о том, что его отец когда-то лично сражался с демонами, стало для Шаолина новостью. Ни в романе, ни в повседневной жизни этот тихий, начитанный и утончённый человек ни капли не походил на грозного воителя, чьё имя наводило ужас на обитателей бездны. Сам же Юй Миньчжи от столь лестных речей заметно занервничал и отвёл глаза.

Не став раздумывать над этим долго, Шаолин шагнул вперёд:

— Отец, давай поступим так: ты возьмёшь на себя округ Чалин, а я отправлюсь к горе Цинянь.

Юй Миньчжи нахмурился с неприкрытым беспокойством:

— Но коли так... дома останутся лишь твоя матушка да Шаои. — Он запнулся, качая головой. — Нет, не дело это. Оставлять их наедине опасно.

Шаолин едва удержался, чтобы не закатить глаза. Отец, конечно, не обижал Шаои, но стоило на горизонте замаячить фигуре госпожи Юй, как он тут же безоговорочно принимал сторону жены. Любящий муж — это прекрасно, но ведь Шаои ни в чём не виноват. Отчего он должен страдать?

На душе стало скверно и горько, но устраивать семейные сцены при гостях не следовало, и Шаолин смолчал.

Старейшины поспорили ещё немного, утрясли последние детали и наконец засобирались восвояси.

Едва за последним гостем закрылась дверь, Шаолин с обидой высказал отцу всё, что накопило:

— Отец, ты несправедлив к нему! Как ни крути, Шаои — наша семья. Если между ним и матушкой пробежала чёрная кошка, нужно помочь им примириться, а не отмахиваться и сбегать от трудностей!

Юй Миньчжи лишь тяжело, устало вздохнул:

— А-Цюэ, видит небо, дело не в моей прихоти. Есть вещи, которые я просто не в силах изменить. Ты ещё слишком юн и многого не понимаешь. Одно скажу твёрдо: Шаои и твоей матери нельзя оставаться под одной крышей без присмотра, иначе быть беде. Праздник середины осени миновал, а значит, пришло время отослать его обратно в монастырь.

Эти слова задели Шаолина за живое. Этот мягкий, любящий человек подарил ему тепло настоящей семьи, но сейчас Шаолин не мог смириться с его слепой предвзятостью. Вскипев, он упрямо вскинул подбородок:

— Раз уж ты так боишься оставить его здесь, пускай он едет со мной к горе Цинянь! Я сам за ним пригляжу и защищу от любых невзгод.

— А-Цюэ, да как ты... — растерялся Юй Миньчжи.

— Я не знаю, отчего ты так дичишься собственного сына, и почему матушка исходит к нему злобой, — твёрдо перебил его Шаолин. — Но для меня он — младший брат. И пусть в наших жилах течёт разная кровь, я его в обиду не дам. Прости, если мои слова ранят тебя, отец, но своего решения я не изменю.

Не дожидаясь ответа, он круто развернулся и покинул кабинет.

Гнев всё ещё кипел в его груди, когда во дворе он нос к носу столкнулся с тем, из-за кого разгорелся этот спор. Шаои тихо стоял под старой раскидистой гуйхуа, лениво разглядывая золотистые соцветия.

Словно заметив его, он обернулся и устремил на него свой немигающий взгляд. Он мягко и торжествующе улыбнулся, будто всё шло по давно задуманному им плану:

— Братец, отчего ты так разгневан?

Шаолин не хотел расстраивать брата рассказами о семейных дразгах и попытался отмахнуться:

— Да так, пустяки. Не бери в голову.

— Отец снова хочет отослать меня в монастырь, верно? — негромко спросил он.

Шаолин опешил:

— Как... откуда ты знаешь?

В душу закралось смутное, липкое подозрение, но тут же растаяло под ласковым взглядом брата. Шаоли рассмеялся — легко, искренне, без тени обиды:

— Просто проходил мимо кабинета и случайно услышал ваши голоса.

— Вот оно что... — протянул он, стараясь унять внутреннюю тревогу.

— Ну же, забудь об этом, — Шаоли сделал шаг навстречу, он просиял от восторга, как ребёнок, получивший долгожданную игрушку. — Братец, это ведь правда? Я не ослышался? Ты и впрямь заберёшь меня с собой к горе Цинянь?

— Да, — твёрдо ответил он. — Путь туда может быть опасен, но даю слово: я сделаю всё, чтобы уберечь тебя.

— Я согласен! — выпалил он прежде, чем он успел договорить. Словно боясь, что он передумает, он впился в него умоляющим взглядом. — Пообещай, братец. Куда бы ты ни направился, я всегда буду следовать за тобой. Хорошо?

— Что? — растерялся Шаолин.

Он повторил — медленно, бережно взвешивая каждое слово:

— Я больше не вернусь в монастырь. Мой дом там, где ты. Позволь мне остаться с тобой навсегда.

Её пылкий, почти отчаянный напор заставил его сердце испуганно сжаться, но он быстро справился с секундным замешательством и ласково улыбнулся:

— Конечно. Ты волен идти своей дорогой, Шаои. Никто больше не запрёт тебя в четырёх стенах.

Стоило ему договорить, как Шаои порывисто бросился ему на шею.

Шаолин покачнулся от неожиданного толчка. Его хрупкий с виду брат оказался на удивление сильным, и ему пришлось приложить усилия, чтобы устоять на ногах. Но обида на отца и усталость мгновенно улетучились, стоило ему услышать тихий, счастливый шёпот у самого уха:

— Ты лучший, братец.

<http://bllate.org/book/18172/1750028>